

Борис МИЛОВЗОРОВ

ВЕЧНАЯ ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Хлопнула калитка. По дорожке нетвердо заскрипели песком подошвы.

— Петровна! Отворяй хоромы! Опять дверь на запоре? Что-то плохо мужа ждешь. За дверью раздались быстрые шаги.

— Сейчас, сейчас, Коленька, — заторопился женский голос. — Заработалась я немало. Шторки постирала, на кухне прибралась.

— Заработалась, прибралась, — скривился муж. — Это я могу заработать, а ты дома сидишь. Захотела, потрудились, не захотела, отдыхай. Не жизнь, а малина, а кормит вас кто?.. То-то!

— Коленька, да не получается так. То одно надо сделать, то другое. Всегда дела есть, так что с утра до ночи на ногах...

— Может, еще выходные дни потребуешь или отпуск за свой счет? — зло прервал ее муж.

Женщина всхлипнула, кончиком фартука промокнула слезу.

— Зачем ты так, Коля? — голос звучал надтреснуто, с бессильной обидой.

— Ладно, Петровна, не реви, не люблю я этого. Лучше улыбнись, — муж притянул к себе жену за плечи, но та выскользнула и, махнув рукой, ушла в дом. — Ишь, ты? — удивился мужчина. — Обиделась. Ну, ничего, сейчас развеселим. Эй, жена!

— Что ты кричишь, как оглашенный? — рассердилась супруга. — Выпил, так поешь и ложишься потихоньку. Дети только утомонились.

— Дети в другой раз выспятся, а ты пляши!

— Письмо, что ли?

— Какое письмо, мать? Квартиру я получил!

— Что?!

Женщина медленно опустилась на стул. Квартира! Сколько лет она ее ждет! Ждет как избавителя от мук, домашней неустроенности, тесноты и скандалов. А тут вдруг так буднично и незаметно... Квартира! Она, не веря своим глазам, ощупывала драгоценную бумажку, такую обычную и невзрачную на вид.

— Гляди, — бубнил сзади муж, — Астафьевым, ордер, 39 метров, печать, все честь по чести.

От него пахуче веяло выпитым спиртным, но Петровна, всегда брезгливая к этому запаху, ничего не замечала. Она была счастлива. В эту минуту ей казалось, что в руках у нее ключ от нового, кристально чистого и радостного мира. В глубине души жило еще сомнение, карябало коготком по сердцу, но царапинки были столь крохотными, что совсем не омрачали надежд. Женщина подняла левую руку и обхватила склонившегося мужа за шею.

— Родной мой, вот радость-то! — причитала она, целуя колючую щеку.

— Да уж, радость, — смущенно вторил ей Астафьев.

От неожиданной ласки что-то дрогнуло в груди, прогнало хмель из головы. Шевельнулось почти забытое ощущение нежности. В душе вдруг стало неуютно от чувства вины. Перед кем, за что? Не привык он задавать сам себе такие вопросы, а тем более отвечать на них.

— Давай-ка, мать, отметим это дело. Ты не смотри, что я уже принял, то с друзьями, по чуть-чуть. А с тобой за ордер тоже по рюмочке обязательно опрокинуть надо, — Мария Петровна засуетилась. На столе, рядом с ужином, появились графинчик и два стаканчика. — Ну, за новые хоромы! — блестя глазами, провозгласил Астафьев и плеснул в себя огненной горечью. По душе и по телу разлилась истома и смысла тревожные и непривычные мысли.

— Коля! Куда ты, а обедать?

— Не хочу! Пойду прогуляюсь, может, в домино постучу.

— Останься, Коленька, Галочке по математике надо помочь, вчера двойку принесла, и по русскому отстаёт. Я не успеваю, закрутилась совсем.

— Нечего ее пестовать! — назидательно изрек Астафьев. — Ошибки надо самой исправлять. Посади за уроки, и чтоб не вставала, пока не выучит все! Я приду и проверю. Кстати, где она?

— Гулять убежала. Портфель кинула в передней и унеслась.

— Я ее поищу.

Хлопнула входная дверь. Мария Петровна подошла к окну на кухне и с тяжелым вздохом посмотрела вслед мужу. Он прошёл ленивой походкой, даже не оглянувшись.

Женщина вновь вздохнула и скрылась в глубине кухни.

Загрелась посуда, зачмокал резиновой прокладкой холодильник. На газу что-то жарилось, шипя и источая аппетитные запахи. Подметая пол, женщина уселась на стул у окна. Из него было видно всю улицу. Хозяйка любила сидеть здесь и смотреть на мелькавшие мимо машины, на прохожих, старушек у подъезда. Руки Марии Петровны, в прошлом изящные с тонкими пальцами, а теперь натруженные, с мелкими морщинками и синеватыми прожилками сосудов, недвижимо и умиротворенно лежали на коленях. Руки отдыхали. Они многое сделали за день. Так же как и вчера. И еще столько же им предстоит завтра. Трое детей, муж. Они требовали многих забот. Руки отдыхали, а их хозяйка шептала: «Обед на завтра есть, форму Галочке погладила, Коле рубашку тоже, кухню убрала. Осталось постирать Леше и Леночке. Не забыть бы носки подштопать...»

Женщина встала. Проходя мимо вешалки, привычным движением оправила одежду. Юркие пальцы, словно зрячие, проворно отыскивали оторванную пуговицу мужа, отпорوشуюся подкладку у сына. «Пора пальто зимнее Леше купить, из старого совсем вырос, — вспомнила она. — Придется в кредит брать. Слава богу, за мебель уже рассчитались». Мария Петровна зашла в ванную, где ждало ее рук замоченное с утра белье, но звонок в дверь вернул в коридор. Вошел возбужденный муж.

— Маша, собирайся, я билеты в кино взял! Картина, говорят, хорошая.

— Колюша, я ж неприбратая! Да и стирка вот стоит, — всплеснула жена руками.

— Ничего, подождет твоя стирка. Завтра сделаешь, не горит.

Через полчаса супруги веселые и нарядные шли по улице. Обычно грустные глаза женщины светились радостью. В них отражались лужи на асфальте и гордость за мужа, бегущие мимо троллейбусы и довольство судьбой. Как мало нужно, чтобы обычный день стал праздником! Позже она еще долго будет вспоминать добродушно нахмуренное небо, опавшие листья под ногами. Сидя на кухне в немногие свободные от дел минуты, она вновь и вновь увидит мысленно эту блестящую лужами улицу, добавляя и выдумывая новые подробности. Вот соседка у подъезда. Она не просто поздоровалась. Вместе с другими она долго смотрела им вслед, а значит, потом допоздна судачила о том, как Петровне повезло: дети здоровые, красивые, муж видный, живут дружно...

— Маш, а помнишь, мы с тобой как-то в кино опоздали? До свадьбы еще. Неужели не помнишь? Мы тогда в подъезде каком-то целовались.

На ступеньках кинотеатра бурлил народ. Всюду слышались просьбы о лишних билетах. Астафьевы степенно и независимо шли сквозь толпу. Им обоим доставляло удовольствие, что их на каждом шагу хватают за рукава менее удачливые просители.

— Садись, Маша. Вот наши места, а я пивка сбегаю выпью. В буфет сегодня жигулевское завезли. Я мигом, — муж встал и стал протискиваться мимо людских колен. — Тебе мороженое купить? — крикнул он уже от дверей, Мария Петровна покачала головой. — Ну, как хочешь.

Что-то больно кольнуло под сердцем. Радужный мир вдруг покачнулся и исказился, будто закрыли его стеклом и плеснули сверху водой. «Да что это я?! — спохватилась она. — Что особенного? Суббота ведь сегодня, выходной, пусть пива попьет, разве это плохо?» Но душу все равно что-то беспокоило. Мария Петровна вдруг поняла, что с удовольствием бы сейчас стояла в шумной очереди рядом с мужем, держалась бы за его большую сухую ладонь и смотрела на побелевшие виски. А потом бы они вместе пили холодный пенный напиток и Коля громко и раскатисто что-нибудь рассказывал. Ну почему он не догадался позвать ее с собой?

— Скучаешь, мать? — весело пробасил муж, усаживаясь рядом. — А то бы со мной сходила. Пиво нынче свежее, красота. На вот, я тебе шоколадку купил. Батончик.

На душе потеплело. «Нет, он у меня хороший. И всегда такой был. Выпивать вот только частенько стал». Настроение на краткий миг вновь померкло, словно яркий день под крохотной тучкой. Но только на миг.

* * *

— Мария!

Мария Петровна выглянула в окошко.

— Здравствуй, Вера.

Соседка из квартиры напротив кивнула в ответ. Она тяжело дышала. Рядом на скамейке стояли две большие сумки. В Москву, видно, за продуктами ездила, догадалась Мария Петровна.

— Ты мужа ждешь? — начала, наконец, она, переведя дыхание.

— Жду, а что?! — испугалась Астафьева, сердце бешено заколотилось. — Случилось чего?

— Да не суетись, ничего страшного. Николай твой на остановке сидит. Забери, а то, не дай бог, воронок заметит, всю получку в вытрезвителе вытрясут, — Мария Петров-

на всплеснула руками и исчезла из окошка. Побежала одеваться. — Лешку на подмогу возьми, — крикнула ей вслед Вера, — а то одна не доволочешь! — соседка горестно покачала головой, помяла уставшие ладони и потянулась за раздутыми поклажей сумками.

Николай сидел в глубине кирпичного навеса.

— Отойди! — дыхнул он перегаром, узнав жену и сына. — Я до дому всегда сам... Хоть ползком...

Он попытался встать, но ноги не держали. Пиджак и брюки были перепачканы остро пахнущей органической массой.

— Пойдем, Коленька, пойдем, — ласково приговаривая, женщина приподняла мужа. — Обопрись на плечо. Ты не думай, это ты сам идешь, я тебе только помогаю.

— Ладно, — пьяно согласился муж. — Потопали.

Дома, раздевая и умывая своего супруга, Мария Петровна ни словом его не прекнула. Знала — бесполезно. Что с пьяного возьмешь? Постепенно Астафьев очухался, потянуло на разговоры.

— Что, мать, молчишь, противно? А я ведь муж твой! Нет, ты скажи, плохой я?!

— Ты у меня единственный, Коля, какой есть, весь мой.

— Маша, ты не увиливай по сторонам! Думаешь, я пьяница?! Не-ет, я не пьяница! Я вот хочу и пью, а захочу, и не буду пить. Раз плюнуть. Хочешь, брошу? Ха-ха-ха, вижу, что хочешь! — Николай Семенович громко икнул и сердито нахмурился. — А вот и не брошу! Назло. Зачем меня до дому вела? А?! Я ж сказал, что сам домой... хоть ползком. Завтра за это опять наплюсь. И не перечь мне. Эй, Лешка! Куда?! Иди-ка, сын, к отцу. Смотри, сорванец, не бери со своего бати пример. Понял? То-то. У тебя как, девки есть?

— Да ладно тебе, пап, — зарделся краской сын.

— Какие девки, Коля?! Парень едва восьмой класс окончил!

— А что? Я в его годы уже работал. И женихался вовсю. Ха-ха-ха, ты что ж думаешь, у такого видного парня, кроме тебя, девок больше не было?! Я, бывало, только свистну, — Астафьев попытался свистнуть, но лишь бессильно зашипел, попробовал ещё раз, махнул рукой. — Вот свистну... раз, и уже новая, — он поднял пьяные глаза на жену, опять икнул. — Ты, мать, баба хорошая... скучная только.

Муж уснул. Мария уложила детей, прибралась. Потом долго чистила загаженный костюм мужа. Чистила и плакала. Слезы лились по морщинистому лицу, и душа, непонятно почему, болела и болела.

— Бригадир! Семеныч! Цемент давай!

Николай Семенович Астафьев нервно выдернул из пачки папиросу. Широко махнул рукой.

— Шабаш, ребята, слезай! Нет раствора.

Из проемов новостройки потянулись строители. От злых языков отскакивали и повисали в воздухе вязким туманом забористые соленые словечки. Заклубились никотиновые кольца, застучали костяшки домино.

— Семеныч, угости беломорчиком, — к Астафьеву подошел его давний приятель, Иван Сиротин. Вместе четверть века назад на стройку пришли. — Ну, что, начальник, опять отдыхаем?

— Отдыхаем. Что за чертова работа! Вань, вот скажи, можно так работать?

— Не-е, — протянул Сиротин, выпуская изо рта клубы дыма, — нельзя. Да ты, Семеныч, не волнуйся. Тебе что, больше всех надо? Щас привезут.

Астафьев бросил бычок и сердито загнал его в глину ногой.

— Жди, так тебе и привезут, наверняка опять раствор налево кинули. До нас теперь очередь часа через три дойдет.

— Да хоть через пять. Не бери близко к сердцу. Давай-ка я за штукой сбегаю. После работы будет, чем душу повеселить. А?

— Нет, Ваня, сегодня не могу.

— Что так? — изумился Сиротин. — Жена, что ли, допекла?

— Жена? — переспросил Астафьев. — Не, Ваня, она у меня смиренная, помалкивает, а если и вякнет когда, так я по столу кулаком, кто, мол, дома хозяин. И все путем. Только сегодня никак нельзя, на смотрины, понимаешь ли, идем.

— Ого!

— Год назад Леночку замуж отдали, а теперь вот сына женить буду. Влюбился, говорит, ни единого слова супротив не терпит. Весь в меня, сорванец.

— Лет сколько?

— Двадцать третий пошел.

— Армию прошёл?

— Год как вернулся.
— Тогда самый раз семью заводить, чтоб не баловал зазря... Коль, может, все же примем? По маленькой, за сыновью семейную жизнь?
— Иди ты! Сказал ведь, нельзя, значит, нельзя, а ты душу травмишь. Завтра штуку свою неси.

* * *

— Николай Семенович! Николай Семенович!
К Астафьеву сломя голову подбежал молоденький практикант из ПТУ.
— Чего кричишь? — нахмурился бригадир. — Людей зря будоражишь.
Парень, едва переведа дух, выпалил:
— Скорей к телефону, дома стряслось что-то...
Через полчаса Астафьев ворвался в приемный покой областной больницы. Как во сне разделся, набросил белый халат. В палате, куда его привела медсестра, долго не мог отыскать жену, когда нашёл, едва узнал. На фоне белых стен, простыней и наволочек лицо супруги казалось несуразно пожелтевшим, с резко выступившими морщинами.
— Что же ты, Машенька, заболела?
Губы его шептали бессвязные, ничего не значащие слова, а руки бережно перебирали тонкие вялые пальцы.

— Ничего, Коленька, успокойся, родной, скоро все пройдет. Доктор обещал. Операцию вот только надо, — голос жены звучал тихо и беспомощно.

Подошел врач и увел Астафьева из палаты. Николай Семенович долго медлил, выходя за дверь, не мог оторвать глаз от лица жены. И чем больше смотрел, тем сильнее в груди болело.

Потом нескончаемо тянулись пропахшие лекарствами стены. Шедший рядом врач говорил, что надо надеяться на лучшее, и его слова расплавленными каплями падали в воспаленный мозг Астафьева. Целую ночь он провел в больнице. Ходил по вестибюлю, потом во дворе. Курил, пока не вышла вся пачка. Уже поздно вечером его нашел сын с женой. Уговаривали поехать переночевать домой. Отказался. Заставив отца съесть пару бутербродов, они уехали.

Что мучило этого крупного седого человека, в неуловимый миг вдруг постаревшего? Вряд ли он смог бы ответить точно на этот вопрос. Его мучило всё. Астафьев всегда считал себя сильным и независимым, ступал по жизни хозяином и не задумывался о смысле своего существования. Он жил потому, что когда-то родился, и это было достаточным аргументом, чтобы жить. Жену и детей он любил, конечно, но как-то безотчетно, как воздух. Не дышать мы не можем, а часто ли вспоминаем о воздухе? Но вот теперь у него судьба могла отнять жену. Его жену! Хрупкую и незаметную женщину. Доктор сказал, что положение сложное, но не безнадежное. Потом добавил удивленно: как она терпела, это же адские боли?!

Астафьев вспоминал отрывочные эпизоды, на которые раньше не обращал внимания. Вот Маша вдруг вся побелела, села на стул, замерла. На миг или два, не больше. А вот вдруг вскрикнула сдавленно, пошатнулась чуть... и выправилась. Он-то видел, слышал, да не замечал, думал, выкрутасы бабьи, а она, бедная, терпела, маялась и терпела. Такая родная, такая незаменимая. Сейчас Маша где-то там, за этими яркими окнами. И она мучается, кусает от боли ссохшиеся губы и терпит. Опять терпит!

«Какая я скотина! — с внезапным безжалостным озарением прозвучало у него в голове. — Ну, ничего, лишь бы Машенька вернулась домой. Тогда все пойдет по-другому. Не может быть, чтобы так вдруг сразу, так просто все кончилось. Мы еще и не жили толком. Все ждали чего-то, надеялись... Доктор сказал, нервы. А кто эти нервы ей истрепал?! Ох, только бы она жила! Господи, помоги! Не допусти несправедливости, не заслужила она ее. Да, тогда обязательно заживем по-другому. Мы ведь давно дачку хотели купить. Сейчас дети выросли, деньжата есть. Только жить да жить... А пить брошу. Иногда пригублю самую малость, по праздникам. Гулять вместе каждый день будем. На пенсию выйду, ни на минуту ее одну не оставлю, ничем не обижу!» Разве могла Мария после таких мыслей уйти, умереть, оставить его одного?! Нет! Все будет хорошо. Он был уверен в этом. Астафьев улыбнулся, представив, как будет ярко и солнечно, когда они сядут в такси. И домой...

Забрезжил рассвет. Астафьев присел на стул. Сон, как он ни противился, сломил его, окунул в глубокое без снавидений забытье, но когда еле скрипнула стеклянная дверь, он проснулся. Вышел доктор. Астафьев не сразу признал его, тот осунулся, под глазами темные круги.

— Курите?
— Да.
— Есть?
— Нет.
— Пошли перекурим.

Они вышли. Зябко и серо светлело утро. Чиркнула спичка, пахнуло табаком. Сигарета в пальцах дрожала. Сердце съежилось комочком, каждый новый ток крови давался с трудом. Доктор все молчал, а Астафьев его не торопил. Сейчас в этом крохотном отрезке времени сосредоточилась вся его надежда на лучшее. Пока нет слов, надежда жива. Если будет... Нет, дальше терпеть неизвестность невозможно!

— Ну?! — выдохнул Астафьев яростно. И замер.

Доктор вздрогнул. Он понимал, что сейчас одной лишь фразой сделает живой образ человека мертвым. Всего несколько слов и всё переменится.

— Мужайтесь, Николай Семенович, — сказал он, не отрывая взгляда от пола, страшаясь встретиться с глазами Астафьева, — мы сделали все, что могли, но этого оказалось недостаточно.

Мир покачнулся.

Стебелек лампы зыбко освещает иконописный лик. В неровном свете изображение наполнено движением, кажется живым. В комнате тихо. Горят свечи. Посредине на табуретках стоит гроб. Рядом сидит понурый человек. Он уже переболел скорбью. Сейчас он опустошенный и усталый не клянет судьбу и не ругает себя. Этому нет места здесь, рядом с покойником. Затихли хлопоты, сгинули соседи, басистый поп и откуда-то взявшиеся старушки в черных платках. Завтра рано утром похороны.

Только сейчас ночью Астафьев остался наедине со своей Машей. Впрочем, с ней ли? Он совсем не ощущал благоговейного и жутковатого страха, коим издревле окружено таинство смерти. Им владело лишь безмерное удивление. Как же так, куда ушла жизнь из человека? Ведь его жена была живая, в ней жила душа, добрая и любящая. И вот среди клеток ее организма произошел сбой, и великая ценность — ее мысли, чувства исчезли, испарились. Неужели в никуда? Неужели природа или бог так расточительны, что бесследно теряют их?!

— Зачем ты покинула меня, Машенька? Как жить одному? Как же мне теперь?

Как восполнить его утрату? Кто еще на Земле сможет понять его, щедро наделить добротой и терпением? Пред кем он будет самым лучшим, кто будет гордиться им даже тогда, когда гордиться нечем? Астафьев дотронулся до сложенных рук покойной жены. Холодно. Смертельно холодно. Его лицо опрокинулось в ладони, плечи дрогнули.

— О, боже! Как может дальше существовать мир?! Нет, она жива! — молнией сверкнуло в мозгу и осталось там озарением. — Да, да, конечно она жива! Ничто не исчезает бесследно. Есть же закон сохранения энергии, материи, так почему же нет закона сохранения душ?! — Живи во мне, Машенька, раз тебе наскучило собственное тело. Нам хватит обоим места в моем сердце.

Прошло почти три месяца. Скорбно и смутно. Отзвенели поминальные бокалы, высохли слезы и прекратились вздохи. Обычная жизнь продолжалась. Но не для Николая Семеновича. Он раздвоился. Словно дивный сосуд носил Астафьев в себе ощущение полноты обладания душой любимого человека. Супруга была с ним постоянно: на работе, на улице, дома.

Вчера Галя сказала: «Папа, ты после смерти мамы стал очень странный. Мне страшно за тебя, ты все время сам в себя смотришь».

А что ей ответить? Так оно и было. Астафьев старался быть аккуратным и чистым, перестал забывать бриться. За прошедшие месяцы ни капли спиртного не пригубил. Ему казалось, что это будет предательством по отношению к живущей в нем Маше и она уйдет от него. Не простит. Сиротин уже перестал уговаривать Николая Семеновича и нашел новых собутельников. С его легкой руки пошли разные слухи. Не раз Астафьев слышал за спиной сочувственные вздохи и тихое: «Жалко мужика...» — но ему было все равно.

Поначалу Астафьев заходил к детям, но потом перестал. Они жили своей жизнью и не могли иначе. В его присутствии они вспоминали о скорби и тяготились ею. Дети при нем все более и более притворялись, а Галя, та даже этого не удосуживалась делать. Уже на третьей неделе она убежала на танцы, чтоб «забыться». Отец простил ей это, она слишком непосредственно хотела жить и не умела фальшивить. Николай Семенович все понимал, стал мудрее и часто вёл внутренний диалог с Машей, рассказывая ей новости, события, свои мысли. Он часто захаживал на кладбище и находил в скорби отдохновение.

Ему многие говорили, что время лечит, но ничего не менялось, пока однажды на кладбище к нему не подошла старушка, пронзительно на него посмотрела и погладила по руке. Она тихо сказала, коротко глянув на фотографию на памятнике:

— Сынок, вечной скорби у живых не бывает, терпи, недолго осталось.

Она ушла, а Астафьев остолбенел, почему-то слова старушки его сильно задели. Он вдруг ясно понял, что не удержит в себе образ жены, что скорбь о ней иссякнет в грусть, та превратится в сожаление, а затем неминуемо станет воспоминанием, с каждым годом все более тусклым и необязательным.

— Нет, не хочу! Не хочу забывать! Машенька, не уходи, останься. Ты ведь покидала меня уже, хватит...

Астафьев ушёл с кладбища в смятении, в тесной улочке старого города разыскал Сиротина.

— Пошли, Иван, угощаю.

— Во-о! — обрадовался тот. — Давно помянуть пора...

* * *

Наутро Астафьев проснулся с тяжелой головой. Первым ощущением было чувство гадливости. От стыда за себя, что ли? И еще... что же еще? Сон! Он видел во сне Марию. До боли четко вспомнилось ночное видение. Жена сидит на своем обычном месте: на стуле у окна. Руки устало лежат на коленях. Он идет к ней, но так медленно! Остается один шаг, но жена вдруг встает. «Коля! — говорит она строго. — Ты опять пьян! Все соки ты из меня вытянул!» Сказала так и растаяла. Николай Семенович зарылся в подушку. Плечи тряслись, он плакал. Лились скупые, безутешные мужские слезы, не вернуть жизнь и не поправить. Где оно, спасительное забытье, почему так долго не приходит, где взять силы, чтобы дождаться его?

Астафьев снял с запястья часы, положил их на стол. И ушел. Через три недели его нашли в студеной воде Оки. Далеко внизу по течению. Может, он случайно упал, а может, и нет.

Похоронили его рядом с супругой, за одной оградкой. И осуждать его трудно.

УЛЬТИМА ТАМ, УЛЬТИМА ЗДЕСЬ, УЛЬТИМАТУММ

Так познал Набоков истину или нет?

Т р и п т и х

В начале сороковых годов прошлого века Владимир Набоков опубликовал в нью-йоркском издании «Новый журнал» произведение под названием «UltimaThule». В одном из интервью писатель рассказал, что у него был замысел написать роман под названием «Незавершённый роман», но он так и не окончил его, написав всего лишь две главы: «UltimaThule» и «SolusRex».

Ультима Туле (UltimaThule) — античный термин для обозначения бесконечно далекого края познанного мира, означает «крайний предел», «последняя возможность». Земля Туле представлялась древним грекам в виде белого острова, иногда как предмете загробного мира. Считалось, что его жители — высокие, могучие люди, живущие намного дольше, чем обычные смертные.

SolusRex — с латыни — одинокий король. Термин, часто используемый в шахматной композиции.

Главный герой романа художник Синеусов трагически теряет от смертельной болезни любимую жену и никак не хочет с этим смириться, в чём, видимо, и кроется суть названия романа: в нескончаемой любви, в непрерывности романа двухлюбящих сердец. В первой главе «UltimaThule» Синеусов встречает Фальтера, якобы познавшего невыносимую истину, от которой человек умирает. Синеусов не боится смерти и пытается выведать у него эту истину, но безуспешно.

Во второй главе «SolusRex» Синеусов от тоски выдумывает себе иллюзорный мир, на дальнем неведомом острове, в котором становится королём.

Набоков намекнул в интервью: «Быть может, закончи я эту книгу, читателям не пришлось бы гагать: шарлатан ли Фальтер? Подлинный ли он провидец?»

Попробуем выяснить, была ли истина?

Часть 1. УЛЬТИМА ТАМ

Адам Фальтер достал из бумажника пятьдесят франков, помял их в руках, посматривая на сидящую перед ним нагую девицу. Его еще раз поразила ее целомудренная бесстыдность, шедшая не из развращенной жизни, а из внутренней невинности. Огромные черные глаза на смуглом лице, не сводящие с него взгляда, брови взлет,

детские припухлые губы, не то улыбающиеся, не то насмехающиеся над ним, тело с блестящей чистой кожей, густые волосы, кутающие округлость плеч. Фальтер с удивлением ощутил вновь поднимающуюся волну желания. Покачав головой, он вынул из портмоне еще пятьдесят франков.

— Давно ли ты здесь, Анита?

Девушка мило улыбнулась и потянула к себе измятую простынь.

— Я здесь сегодня.

— Как? — брови Адама недоумённо приподнялись. — Прости, не понял.

— Я здесь для тебя, — Анита изящно повязала вокруг своего упругого тела материю и грациозно шагнула к Фальтеру. Ее глаза с хитрым, но добрым прищуром смотрели в глубину его, минуя зрачки, нервы, мозг, прямо в душу. Адам встряхнул головой, наваждение какое-то. — Ты приготовил эти деньги мне? — прозвенел чудесный колокольчик у самых его ушей. Необъяснимым образом девушка уже стояла сбоку и, поднявшись на цыпочки, обжигала своим дыханием мочку.

— Деньги? — Фальтер невольно дернулся в сторону и растерянно разжал ладонь.

— Да, конечно, возьми.

— Спасибо, — Анита кокетливо свернула купюры и сунула их под свою импровизированную тунику, туда, где топорщились соблазнительными холмиками упругие груди. — А почему ты дал мне больше, чем я просила?

— Мне было хорошо с тобой, — Адам сладострастно улыбнулся. — Так хорошо, как ни с одной женщиной до этого.

— Так и должно быть, — Анита с разбега прыгнула на кровать и, приземлившись на согнутые колени, сгребла подушку в охапку. — Меня специально прислали к тебе.

Фальтер уже направлялся к двери, решив больше не искушать свой далеко немолодой организм и глубину кошелька, но последняя фраза заморозила его на полушаге. Он медленно повернулся. В голове мелькнула мысль: надо бежать от этой безумной соблазнительницы. Но было уже поздно, насмешливые черные очи вновь впились в него своими чарами и опутали несвободей.

— Анита, — хрипло проговорил Адам, — я не ослышался?

— Нет, Адам, — колокольчик ее смеха рванулся к потолку маленькой комнаты. — Ведь ты Фальтер, правда?

— Да, — челюсть у виноторговца отвисла. В этом приморском городишке он проездом, его почти никто не знает! И в этот вновь открывшийся бордель он пришел впервые! Просто проходил мимо, увидел и решил. Решил? А он ли решил?! — Анита, кто тебя ко мне послал?!

— Никто.

— Ты же говорила, тебя послали?

— Да.

— Кто?

— Никто. У него нет имени.

— Бог?

— Нет. Бог не посылает, он все сам делает, — девушка хихикнула и добавила: — Для себя самого.

Фальтер внезапно успокоился. И чего он переполошился? Все ясно, девчонка просто слегка не в себе. Он улыбнулся и решительно двинулся к выходу.

— Адам, — донеслось до него неожиданно издали, — ты получил последнюю радость, и теперь к тебе придет тайна.

Он попытался оглянуться, но мягкая, упругая сила подтолкнула его к раскрывшейся двери, и в мгновение ока он оказался на покатоЙ асфальтовой улице, подсвеченной тусклыми фонарями и звёздными россыпями на черном небе. Вдали над морским горизонтом висела огромная круглая чаша луны, полирующая своим мертвенным сиянием водяную гладь. Никогда красота этого края не бросалась так в глаза. Фальтер пожал плечами и собрался уже идти, как вдруг остро резануло некое подозрение. Адам обернулся и растерянно посмотрел на недостроенный дом. Ну, так и есть! На этой улочке таких недостроенных было несколько. Не до дач сегодня, мир сотрясает война, но ведь именно отсюда он только что вышел, нет, был вытолкнут! Черные, не застекленные провалы оконных проемов, за ними минуту назад горел свет, где он?! У виноторговца голова закружилась, и он поспешно оперся на трость. Растерянно посмотрев на полированную палку, он вдруг осознал, что это не его вещь! Как же она попала ему в руки? Фальтер затравленно огляделся, улица была тиха и пустынна, лишь лунный свет с мягким шорохом взбирался вслед за своей хозяйкой вверх от морского берега. Взгляд наткнулся на светлые пятна окон соседних домов, за занавеской одного из них мелькнул силуэт.

— Ну, слава богу, это мир людей, — облегченно вздохнул виноторговец и двинулся к маленькому отелю, в котором жил уже несколько дней.

Чужая трость увесисто и ритмично цокала по мостовой. Фальтер старался не думать о том, откуда она появилась в его руках, о происшествии, об Аните... При одном упоминании этого имени ниже пупка сладко заняло.

— Тьфу, чертовщина какая-то!

Как он и заказывал, на столе под белоснежной салфеткой его ожидал легкий ужин и бутылка вина. Адам небрежно воткнул трость в ажурную подставку в углу, где уже скучала его собственная трость-зонт, и уселся трапезничать. Он с аппетитом принялся за холодного цыпленка, сдобренного по-итальянски изрядной порцией перца, запивая его молодым красным вином. Вино было невысокого качества, но холодило горящий рот и утоляло жажду. Чего еще желать после бурных ласк? Фальтер вдруг стеклянно застыл, случайно упершись взглядом в угол. Он медленно положил надкушенную ножку, глотнул вина, вытер губы и направился к странной трости. Все это время он словно в забытии легкомысленно игнорировал фантазмагоричность своих вечерних приключений, и только теперь зыбкая пелена спала, обнажив гротеск и неправдоподобие. Адам долго крутил в руках трость. Ничего особенного. Обычное полированное дерево, бронзовый рифленый набалдашник, ни загадочных узоров, ни вензелей, ни гербов. Он зевнул и осторожно вернул трость в подставку. «Надо будет утром хозяину отеля показать, — подумал Фальтер, — он всех в городе знает. Да, и про бордель расспросить!» Видимо, от выпитого вина, или от пережитого, или от избытка несвойственных ему мыслей, а может быть, от всего вместе, Адама неудержимо клонило в сон, и он не сопротивлялся. Фальтер выключил свет и уснул, как всегда, быстро и сладко.

Ему приснилась дорога из черного асфальта, гладкого и звонкого, по которой он размеренно шагал и отмеривал пройденный путь новой тростью. Вокруг не было ничего, кроме светящейся белесой мути. На душе было легко и беззаботно, и Фальтера нисколько не беспокоила неуместность дороги в неопределенном пространстве, да и самого пространства в неопределенности сна. Так он шел, разгребая туман незамутненными волнениями взглядом, пока не уперся в высокую стену из красного кирпича. Она высилась перед ним, уходя вверх, теряясь в дымке высоты.

— Адам! — слышалось сверху.

Фальтер задрал голову и уперся в глаза Аниты. Их невозможно было забыть или перепутать, они занимали все его внимание, впитывая его в себя и растворяя. Он долго их рассматривал, пытаясь найти остальное, но кроме всепоглощающих глаз больше ничего не было. Сколько он так простоял? Невозможно вспомнить. Адам лишь помнил, что готов был стоять здесь вечно, лишь бы не отрываться от бездонных глаз Аниты, но ему вдруг стало тесно. Кирпичная стена упёрлась в живот, Фальтер недоуменно оглянулся и оторопел. Оказывается, пока он глазел в небеса, стена немислимим образом окружила его со всех сторон, и теперь он стоял на дне широкого колодца. Кроме этого ему что-то еще очень мешало, так мешало, что... Скорбь и грусть, вот что мешало ему дышать! Как только он понял это, в сердце полился такой поток душевной горечи и тоски, что захотелось выть и стенать. А тут еще и стены колодца, словно в ответ на его вопли, стали быстро сжиматься. К душевной жути прибавился животный страх. Первые минуты Адам пытался блюсти свое человеческое достоинство, но когда шершавые кирпичи коснулись его плеч, сознание будто волной смыло. И Фальтер дико закричал. Адам рвался на волю из тяжких каменных пут, но ничем не мог им противостоять, кроме своего крика. Не из глотки, нет, из самой груди вырывались не звуки, а громогласное отчаянье. Фальтер кричал, но не слышал себя и поэтому кричал все громче и громче.

Люди во сне нередко кричат, особенно когда им снится кошмар, но они просыпаясь и с облегчением узнают себя в реальности, привычной и безопасной. Жуткий страх забывается, а липкий пот высыхает. А что делать, если человек проснулся, но нашу реальность видит, как сон? Если все его страхи и переживания остались за тонкой полоской разума, сдерживающего лавину потустороннего откровения? Это и случилось с бедным Фальтером. Он потерялся на границе яви и сна.

То, что он разбудил всю гостиницу и жителей близлежащих улиц, это быстро забылось, зато по городку поползли слухи, что Фальтер тронулся. В скорости за ним приехали дочь и зять и в дождливый пасмурный день тихо увезли его. От него остались только городские легенды да слухи, время от времени возникающие из неопределенных источников. По ним, будто бы Фальтер превратился в полупомешанного чудака, совершавшего странные и нелогичные поступки. Говорили, что он вроде бы и не дурак, потому что иногда говорит очень разумно, но чаще молчит или рассыпает глупости, а изредка изрекает загадочные сентенции, то ли содержащие бездну непонятого никем смысла, то ли муть бессмыслицы, не нуждающейся в понимании. Его пытались лечить, но не добились существенных сдвигов: тело его было здоровым, а разум по-прежнему мерцал то умом, то безумием.

Часть 2. УЛЬТИМА ЗДЕСЬ

- Господа, не извольте беспокоиться, я уже писал вам, что мне не нужны деньги.
- Хорошо, проходите.
- Да, доктор, помогите моему отцу.
- Приложу все старания, — заверил бархатный тенорок.

В комнату бывшего виноторговца Адама Фальтера вошёл стройный худощавый, слегка смугловатый мужчина. Небольшой саквояж крокодиловой кожи, безупречный костюм, уголок накрахмаленного платочка в нагрудном кармане, тщательно подстриженные усики, а главное, умный и повелительный взгляд из-под толстых стекол дорогих роговых очков, подчеркивали его исключительную компетенцию. Это был итальянский профессор психиатрии Джузеппе Расколине, очень модный и известный на южном побережье Франции. Он тихо притворил за собой дверь и, опершись на черную тросточку, улыбнулся. Так улыбается кинозвезда надоевшим почитателям: безупречно и бездушно одновременно.

— Здравствуйте, господин Фальтер, — тот кивнул, чем немало порадовал психиатрическую знаменитость. — Вы позволите? — Расколине присел в кресло напротив, — Фальтер на этот раз не отреагировал, но неотрывно смотрел на трость в руках своего гостя. Тот заметил это внимание. — Вам нравится эта вещь?

— Трость, — хрипло и дребезжаще произнес Фальтер.

— Да? — профессор протянул ее к Адаму. — И что?

— Нет.

— Что нет?

— Не она.

— Очень интересно! — Расколине откинулся на спинку кресла и возложил ногу на ногу. Фальтер всмотрелся в лицо гостя и вдруг улыбнулся. — Почему вы сейчас улыбнулись? — мгновенно среагировал профессор.

— Вас мой зять с дочерью наняли?

— Что значит наняли?! Я сам приехал.

— Бескорыстно?

— Конечно! Все во имя науки!

— Что же научного вы хотите из меня извлечь?

— Господин Фальтер, не извлечь, а изучить психиатрический феномен в вашем лице.

— Понятно, — неожиданно скучным голосом сказал Адам и замолк. Он даже перестал смотреть на Расколине, занявшись разглядыванием собственных ногтей.

Профессор терпеливо наблюдал, ожидая продолжения, но Фальтер вдруг закрыл глаза и тихо задышал. Доктор удивленно поднял брови, потом удовлетворенно кивнул, похоже, скорая сонливость пациента его не только не обескуражила, но напротив, обрадовала. Он тихо, чтобы не нарушить покой Фальтера, достал из саквояжа тонкую брошюрку, отложил ее в сторону, потом темно-коричневый пузырек, из которого капнул несколько капель в стакан с водой, стоящий на подносе рядом со спящим Фальтером. После этого он застыл, как охотник в засаде.

Как он и предполагал, сон Адама был недолог. Тот вздрогнул, зевнул и, открыв глаза, недоуменно уставился на своего гостя.

— Вы кто?

— Я доктор.

— Мне не нужен доктор.

— А кто вам нужен?

— Никто. Ни мне, ни вам, никому на Земле никто и ничто помочь не может.

— Ну, почему же столь скорбно?! А религия, добрый священник...

— Бросьте! — Фальтер перевел взгляд на воду.

— Подать воды?

— Да, если нетрудно, — Фальтер медленными глотками осушил стакан. Некоторое время сидел неподвижно, словно прислушиваясь к себе. — Что вы мне туда влили? — неожиданно для профессора спросил он.

— Влил?

— Да. И не отпирайтесь, я знаю.

— Зачем же тогда пили?

— Мне стало интересно.

— О! Я...

— Доктор, не надо много слов. Вы пришли меня лечить?

— Да.

— От чего?

— Мы предполагаем, что вы несколько не в себе.

– Спасибо за откровенность, – усмехнулся Адам. – Странно, чувствую себе непривычно бодрым. Признайтесь, это нечто возбуждающее?

– Уверяю вас, этот тонизирующий состав совершенно безвреден, он сделан на основе африканских...

Фальтер махнул рукой, профессор запнулся.

– Ладно, какая разница, я бы и яду выпил.

– Но почему вы столь мрачно смотрите на жизнь?

– Жизнь?! – заволновался вдруг Адам. – О какой жизни вы говорите?! Разве можете вы знать, что есть жизнь?!

– Вот и хорошо, только успокойтесь, а лучше расскажите, что вас мучает?

– А-а! Вы за этим пришли? – Фальтер задумался. – Доктор, а вам не страшно?

– Чего же мне бояться? – искренне удивился тот.

– Истины.

– Истина не может быть опасной.

– Вы искренне так считаете?!

– Да, я в этом уверен.

– Что ж, – Адам отвернулся к окну и пожевал губами. – А почему бы и нет? – тихо произнес он и вновь посмотрел на профессора. – Хорошо, спрашивайте.

РаскоLINE суетливо достал блокнот и ручку. Фальтер с легкой усмешкой наблюдал за ним.

– Это бесполезные вещи, – кивнул он на писчие принадлежности.

– Почему?

– Истину нельзя записать, ее можно только прочувствовать.

– Я готов, но как это сделать?

– Садитесь поудобнее, закройте глаза. Вот так, хорошо. Теперь представьте, что вы летите в бесконечном море света, – Фальтер тоже закрыл глаза, его голос налился повелительным тембром и ритмом. – В вас разлиты спокойствие и полнота бытия, вас не волнуют вопросы, потому что все ответы вам уже известны, вам не нужно никому дарить любовь или ждать любви, потому что свет, который пронзает вас, и есть любовь. Видите там вдали сияет зарево?

– Вижу, – послушно ответил профессор. Его голос звучал медленно, глуховато, так звучит голос людей, впавших в гипнотический транс. Неведомым образом он попал под власть голоса Фальтера и РаскоLINE воочию видел то, что вещал ему бывший виноторговец. По его лицу блуждала мягкая улыбка, озаренная внутренним счастьем.

Фальтер говорил, и его лицо тоже светилось счастьем. Если бы некто увидел их со стороны, то подумал бы, что два человека блаженно спят, а над ними рокочет не принадлежащий этому миру голос. Но вот на лице Адама промелькнула гримаса брезгливости, и тотчас ее тень метнулась на лик профессора, обезобразив его страданиями. Он вдруг судорожно вцепился ногтями в подлокотники кресла.

– Да, нашего мира нет, и нет в нем жизни! – громогласно изрекал Фальтер. – Вся наша Вселенная тень, в которой блуждают наши преступные души, мы никогда не сможем вернуться, потому что нам нет прощенья! Мы уже наказаны, и вечность нас не искупит!

– Не хочу! – завопил вдруг профессор. – Оставьте меня, я должен...

Он захрипел, засучив ногами, в широко открытых глазах билась истерика сдавленного крика, крика, не находящего выхода, мечущегося внутри тщедушного тела. Фальтер молча и отстраненно наблюдал за агонией. РаскоLINE вдруг выгнулся дугой, сдавленно застонал и рухнул обратно, вниз, мимо сидения. Его голова запрокинулась назад, грудь больше не вздымалась. Профессор умер.

– Я же предупреждал, – тихо сказал Фальтер. Глаза его плеснулись грустью, параслез скатилась по щекам. – Прощай Анита, наверное, ты права, только такой гиппопотам, как я, может выдержать жизнь в аду без права на возвращение и без надежды на спасение. Больше он ничего не говорил. Он подобрал профессорскую брошюру с красивыми горными пейзажами и принялся ее неспешно листать.

Часть 3. УЛЬТИМАТУММ

Леонид Петрович Кучкин настороженно заглянул в зал и тут же наткнулся на искренне радостное приветствие Жана.

– Доброе утро, Леонид!

– Доброе.

– Присаживайтесь, поболтаем.

– Спасибо, только что-нибудь положу на завтрак.

Леонид Петрович медленно обходил шведский стол, благо он был обилен. Он надеялся, вдруг у Жана не хватит терпения и он уйдет. Но тот, похоже, вовсе не томился

ожиданием, а прихлебывал кофе и с интересом читал газету. Вот навязался, подумал Кучкин, вспоминая вчерашнее знакомство.

Этот незнакомец к нему вчера за завтраком подсел, весь такой улыбочивый.

— Здравствуйте, вы русский?

— Советский, — буркнул Кучкин, внимательно разглядывая надкушенный круасан. Ему ли, опытному сотруднику внешней торговли, не знать, к чему могут привести случайные знакомства за рубежом?

— Ого! Очень приятно. Признаюсь, не ожидал, поэтому, так сказать, дерзнул вторгнуться.... Я могу пересесть, если пожелаете.

— Да сидите, пожалуйста, вы мне не мешаете.

— Спасибо, — незнакомец некоторое время глазел по сторонам, потом вновь заговорил. — Ради бога извините меня за назойливость, но мне так хотелось поговорить по-русски.

Кучкин настороженно взглянул в умоляющие глаза господина. Не похоже, что он шпион или провокатор, лицо доброе, лучится доброжелательностью.

— Только не о политике.

— О, конечно, как скажете! — незнакомец вскочил и приподнял соломенную шляпу. — Позвольте представиться, Жан Владимирович Климов. Для вас просто Жан. Родился здесь, во Франции.

— Из дворян?

— Из бывших, — Климов присел и несколько растерянно принялся высматривать место для своей шляпы, наконец, кинул ее на стул соседнего столика. — А вы, простите... — он вопросительно взглянул на собеседника.

— Леонид Петрович Кучкин, — спохватился тот. — По делам службы приехал.

— Дипломатической?

— Да какая здесь дипломатия, — усмехнулся Леонид Петрович. — Сами посудите, что здесь можно делать: отдыхать или закупать...

— Вино! Как же я сразу не догадался! Вы негоциант.

— Вроде того, — Кучкин вновь улыбнулся.

— Закупать хорошее вино — искусство.

— Искусство, не искусство, а в хорошем вине я разбираюсь.

Станным образом Жан перестал раздражать Леонида Петровича, даже симпатия некая появилась. Забавный человек. В конце концов, и в Союзе сегодня уже не те времена, чтобы от каждого потомка эмигрантов шароухаться.

— Леонид Петрович.

— Можно просто Леонид.

— Благодарю. Леонид, вы не представляете, какое я сейчас испытываю наслаждение от вкуса родного языка.

— А разве здесь не с кем поговорить по-русски?

— Ну, почему же, русская община в Гренобле, откуда я родом, очень большая, только это не совсем то. Как бы вам объяснить, ну, как будто вы летом в жару в маленьком цветущем пруду купаетесь. А с вами я себя ощущаю, словно плыву в большом чистом озере. — Ну, вы скажете, — засмутился Кучкин. — Очень поэтично.

— Да, спасибо, — Жан задумался и вдруг спросил: — Леонид, а вы слышали о Набокове?

— Конечно, слышал, — Леонид Петрович стряхнул пепел, затыкнулся и прищурился от дыма, навешанного в глаза морским сквозняком.

— А читали?

Кучкин взял паузу. Он не знал, что ответить Жану, в Союзе Набокова не печатали. Как всякий продвинутый интеллигент, он читал самиздатовскую «Лолиту», вот только стоит ли об этом говорить?

— Ну, уж «Лолиту» наверняка читали?

— Ну...

— Ладно, не хотите, не говорите, — звякнул он чашечкой. — Хороший кофе. И погода чудесная.

— Да, весна.

— Теперь я понимаю, почему наши газеты пишут о загадочной русской душе.

— Вы хотите сказать, что знаете ее секрет?

— Да нет здесь никакого секрета! Леонид, вы просто скованы идеологией.

— Жан, мы же договаривались! Вернитесь лучше к Набокову.

— О, простите, вы правы. Так я что хотел сказать, — Климов задумался. — В этом маленьком городе есть местная легенда, что именно в нашем отеле жил Адам Ильич Фальтер из рассказа Набокова «Ультима Туле».

— Извините, но я не слышал об этом произведении.

— Неудивительно. Хотите почитать?

— Извольте, буду признателен, — согласие вырвалось так легко, что Кучкин не сразу сообразил, что натворил, но отказываться уже было нельзя, недостойно.

Небольшой рассказ был напечатан на обычных стандартных листах и озаглавливался потусторонним названием «UltimaThule». Вечером Леонид Петрович прочитал рассказ, благо, что тот был небольшой, и в некоей умственно-эстетической прострации отошел ко сну. Проснулся с мрачным настроением и с полной уверенностью, что видеть господина Климова не желает. И вот пожалуйста, тот его с раннего утра караулит.

Кучкин поставил тарелку и закурил. Есть не хотелось. Глаза наткнулись на вопрошающий взгляд Жана. Злость на него куда-то ушла.

— Вы увлекаетесь творчеством Набокова?

— Я? Нет, что вы. То есть я читал его книги, но я не очень люблю модернизм. И «Лолита» мне не понравилась.

— А что ж тогда с собой возите этот рассказ Набокова?

Климов кивнул.

— Вы правы, Леонид, я действительно увлечен этим рассказом. В нем есть нечто неуловимое. Я даже автору письмо написал, но он не ответил... Да что это я?! Я же вас хотел расспросить! Каково ваше впечатление?

— Честно?

— Конечно!

— Что ж, Жан, слушайте. Я буквально продирался сквозь текст. Такое ощущение, что рассказ написан на колене, за один присест. Хотя красивые места есть.

— Да, я примерно этого и ожидал. Это естественное впечатление, сам когда-то чувствовал то же самое. Но потом, чем больше вчитывался, тем больше ощущал напряженную работу автора. Думаю, он намеренно придал рассказу именно такой непричесанный вид, — Климов увидел в глазах Кучкина скепсис и добавил: — Впрочем, не смею настаивать, я изложил лишь свое субъективное мнение.

— Жан, не буду спорить, возможно, вы в чем-то и правы. Я тоже ощутил нечто загадочное, недоговоренное, а еще сожаление, что даже намек на истину отсутствует.

— Ну, с этим можно поспорить.

— Да? Тогда в чем же намек?

— Для того чтобы ответить, я сначала спрошу вас, знаете ли вы, что означают слова «UltimaThule»?

— Понятия не имею. Наверное, автор придумал.

— А вот и нет! Выражение «ультиматуле» означает «крайний предел», «последняя возможность». Еще в античные времена этот остров располагали на краю Ойкумены. Позднее под этим выражением некоторые исследователи видели Атлантиду.

— Ту, которую Платон описывал?

— Совершенно верно. Другие считали, что это легендарная страна гипербореев, остров, лежащий где-то на севере и скрытый неведомым образом от людских глаз. Хотя есть свидетельства очевидцев, которые на этот остров высаживались.

— Неужели?

— Напрасно иронизируете, Леонид. Существуют записи в британском адмиралтействе о высадке матросов одного из военных кораблей на неведомый остров, после которой они вернулись совершенно деморализованные, потрясенные и лишенные всякого мужества. Координаты потом проверили, но острова не нашли.

— Понятно, еще одна легенда, миф.

— Знаете что, Леонид, вы вызываете у меня необыкновенное расположение, можно сказать симпатию, поэтому я доверюсь вам.

— Спасибо, очень приятно, — растерянно отозвался Кучкин, соображая, как ему поступить.

— Я вам дам почитать продолжение этой истории.

— Вы сочинили продолжение? — разочарованно спросил Леонид.

— Нет, я непричастен к благородному цеху пишущих. Я исследователь, которому несказанно повезло: я нашел записку Фальтера!

Кучкин недоуменно уставился на Климова.

— Вы хотите сказать, что Фальтер — это реальный человек?!

— Без всякого сомнения! Я нашел множество свидетельств его существования.

— Но как же вы разыскали его записку? Это просто невероятно!

— Удача, мой друг, и везение. Они часто сопутствуют людям, беззаветно преданным своему делу. Я нашел листок бумаги в старой прикроватной тумбочке в одном из здешних номеров. Он был приклеен чем-то к дну ящика.

— Вы обыскивали номера?

— Признаюсь, Леонид, обыскивал. Надеюсь, вы меня за это не очень осуждаете?

— Да нет, вольному воля, а не пойман — не вор.

— Спасибо и на этом. В свое оправдание могу лишь добавить, что я был одержим

страстью поиска. Ну, ничего не мог с собой поделывать. Вы мне верите?

— Верю, Жан, верю. Оставим это, лучше расскажите, что же было написано в записке?

— Вот, пожалуйста, — Климов вынул из внутреннего кармана плотную картонку, свернутую пополам. Это оказалась фотокопия. Он торжественно пододвинул ее Кучкину. — Оригинал хранится в надежном месте, — Климов воровато огляделся и понизил голос до шепота. — Леонид, к сожалению, я не смогу передать вам даже копию этого текста, но вы можете прочесть его здесь при мне. Он короткий. Извольте.

Трепет Жана передался и Леониду Петровичу, он почти благоговейно принял в руки документ и, надев очки, углубился в неровный почерк на русском языке.

«Я Адам Ильич Фальтер. Я еще жив, чему в немалой степени удивляюсь. Как серо вокруг, после ярких красок настоящего мира! Пишу от неудержимого позыва поделиться пережитым, но, не смея говорить людям, могу довериться лишь клочку бумаги. Если судьбе будет угодно, пусть его найдут. В том сне Анита меня встретила вся в сиянии, прозрачная. Ушам доносилась неизъяснимо прекрасная музыка. Внизу стелились облака, белоснежные бесконечные равнины, наполненные лучезарным покоем и величественностью. Я висел над ними беспомощный и растерянный, а рядом порхал смеющийся образ идеального женского начала, иначе я Аниту назвать не могу. Нет тех слов в человеческом языке, чтобы передать хотя бы маленькую толику красоты и совершенства этого мира и этой женщины.

— Ты видишь этот мир, Адам? — спросила она меня, не шевеля губами.

— Да, — хотел я ответить, но слова застряли в горле, не смея нарушить идиллию окружающей гармонии.

— Внимай мне, Адам, времени мало. Ты сейчас видишь лишь преддверие истинного мира, который, к сожалению, тебе недоступен. Но и здесь прекрасно, не так ли?

— Нет слов, Анита.

— Да, слов нет. Они и не нужны. Я спешу тебе сообщить, что здесь настоящая вселенная жизни, а там, где ты родился, жизни нет.

— То есть как нет?! Ведь я же живой!

— Нет. Ни ты, ни остальные не обладают искрами истинной вечной жизни. Вы несете бремя существования в Аду, созданном нами для отъявленных вселенских преступников. Мы никого не убиваем, поэтому навсегда изолируем их от нашего мира. Ваш мир ложный, Адам.

Глаза Аниты участливо пронзали мою вопящую от отчаянья душу. Я уже вспоминал этот мир, я жил здесь, это правда. Только здесь можно было быть счастливым, я это всегда знал. Анита изящно махнула рукой и стала отдаляться.

— Адам, прощай.

— Но почему я?! Зачем ты мне это показала?!

— Один из жителей Земли всегда знает. Когда он умирает, мы выбираем другого.

— Значит, я не избранный?

— Нет, ты результат случайного выбора среди тех, кто может выдержать знание. Теперь ты знаешь.

— Но как мне спастись от этого знания?!

— Никак. Кроме вас, людей, в вашем мире нет ни бога, ни черта, ни спасения.

Ее образ давно растаял, меня вновь окружали красные кирпичи, и я кричал от отчаянья, а её голос все еще звучал в моей голове, наполняя невыносимой скорбью. О, как мне было горько. Мне и сейчас горько. Нет тех слез и молитв, способных облегчить эту горечь!»

Леонид изумленно уставился на Климова. Его лицо, устремленное к горизонту, не излучало больше жизнерадостности, казалось, оно тоже пропитано горечью, о которой писал Адам. «Фальтер?! — осенило вдруг Кучкина. — Какой, к черту, Фальтер?! Сам Жан и написал!» Кучкин протянул Климову фотокопию, тот взял и вопросительно глянул ему в лицо.

— Не спорю, за душу берет, — Кучкин смущенно кашлянул, — но я не любитель фантастики.

Климов кивнул и горько усмехнулся.

— Теперь, Леонид, вы от меня уйдете.

— Жан, — растерялся тот, — почему вы так решили?

— А от меня все уходит, — он многозначительно кивнул на записку Фальтера и, бережно свернув, сунул её в карман.

— Да что вы такое говорите, мы с вами сегодня поужинаем вместе, хотите?

— Хочу.

— Вот и договорились.

Но через два часа Леонид Петрович уже заселялся в другую гостиницу.